ЭВЕЛИНА КОШКИНА

ХЮРРЕМ

ОГНЕННАЯ НАЛОЖНИЦА СУЛТАНА

ЧАСТЬ 1

Эвелина Кошкина

Хюррем. Огненная наложница султана

«Автор»
2025

Кошкина Э.

Хюррем. Огненная наложница султана / Э. Кошкина — «Автор», 2025

Она прибыла во дворец пленницей — и стала женщиной, способной изменить судьбу империи. Рыжеволосая наложница с зелёными глазами, чьё имя стало легендой, входит в гарем султана Сулеймана, не ведая, что её дорога будет устлана не только лепестками роз, но и ядом зависти, ложью и кровью. В окружении евнухов, служанок, соперниц и придворных интриганов Хюррем шаг за шагом поднимается к вершине власти — не мечом, но разумом, сердцем и волей. Она бросит вызов традициям, навлечёт на себя ненависть фавориток и даже сестёр султана, но не отступит. Ведь она не просто наложница. Она — огонь, который нельзя погасить. В первой части романа — дворцовые интриги, тайные встречи, магия Востока, сцены любви и опасности, а также появление соперников, чья месть будет копиться в тени.

© Кошкина Э., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 6
Глава 1 – Песнь над рекой 7
Глава 2 – Врата Золотой Клетки 8
Глава 3 – Сулейман 9
Глава 4 – Шёпоты под золотыми сводами 10
Глава 5 – Запах граната и кожи 11
Глава 6 – Пепел под жемчугом 12
Глава 7 – Запах жасмина и горечи 13
Глава 8 – Тени и ароматы 15
Глава 9 – Игра теней и света 17
Глава 10 – Лунный яд 19
Глава 11 – Запах предательства 20
Глава 12 – Зеркало теней 22
Глава 13 – Гнев гарема 24
Глава 14 – Союз в тени 26
Глава 15 – Ветер с Карпат и тени матери 28
Глава 16 – Под лунным знаком: гадание, шпионы и предзнаменования 30
Глава 17 – Лепестки и яды 32
Глава 18 – Ядовитый взгляд и огонь в сердце 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Эвелина Кошкина
Хюррем. Огненная наложница султана

Часть первая

Пролог

Топкапы. Весна. 1520 год.

Ночь опустилась на дворец, словно чёрный шёлк – мягко, но неумолимо. Лунный свет скользил по мраморным плитам гарема, отбрасывая тени решёток на белые стены, словно напоминая: ты – в золотой клетке.

Она сидела у окна, скрестив ноги по-турецки, и смотрела на сад, где в темноте шептали фонтаны. Воздух пах розами и чем-то ещё – пряным, тревожным. Возможно, страхом. Возможно, мечтой.

Её звали Александра. Вчера.

Сегодня её имя – Хюррем. «Та, что смеётся». Они думали, что это будет символом покорности. Но она уже знала, что её смех станет оружием.

Она помнила корабль. Крики. Грохот цепей. Солёную воду в волосах. Слёзы, которые жгли глаза, но не сломили сердце.

Она помнила первые шаги по мрамору гарема – в одежде, пахнущей чужими судьбами. Помнила взгляд главного евнуха – холодный, как клинок.

Но больше всего она запомнила один момент – взгляд мужчины, в чьих глазах было больше власти, чем у королей Европы.

Сулейман.

Он ещё не знал, что она станет его проклятием. Его страстью. Его слабостью. И его единственным выбором, от которого не уйти.

В ту ночь, когда Стамбул спал под звёздами, Хюррем шептала себе клятву, которую никто не слышал:

«Я стану больше, чем они думали. Я стану тем, чего они боятся. Я войду в историю не как наложница – а как повелительница империи».

И в этот миг луна, словно услышав её слова, выглянула из-за облаков. И осветила лицо женщины, чья судьба изменит ход времени.

Этот роман – не строгая хроника. Здесь вымысел переплетается с фактами, а чувства и судьбы оживают среди теней истории. Некоторые события, сцены и образы созданы для усиления драматизма и не претендуют на документальную точность.

Глава 1 – Песнь над рекой

Рутения. Маленькая деревня недалеко от Львова. Около 1510 года.

Весна в этих местах всегда приходила как победа. Снег таял медленно, словно не желая покидать землю, но потом внезапно воздух начинал звенеть – от капель, от запаха сырой земли, от криков птиц, возвращающихся домой.

Александра бежала босиком по тропинке, платье путалось в кустах, волосы цвета закатного солнца развевались, как знамя. За ней, смеясь, бежал он – Левко, сын мельника.

– Не догонишь! – закричала она, перепрыгивая через ручей.

– Если догоню, ты станешь моей женой! – крикнул он в ответ.

Александра остановилась и обернулась. Улыбка у неё была такая, что в ней можно было утонуть. Она не верила в судьбу. Её мир был мал и прост: утро, мама печёт хлеб, отец чинит крышу, а Левко приносит ей сорочьи перья, которые она собирала в деревянную шкатулку.

Они часто сидели на высоком холме над рекой. Он рассказывал ей о звёздах, о далёких странах, которых никто не видел. Она мечтала увидеть море. Большое, синее, бескрайнее.

– А что, если однажды мы сбежим? – спросила она, глядя в небо.

– Сбежим? Куда?

– В Венецию. Или в Египет. Я слышала, там финики падают прямо в ладони.

– С тобой – хоть в ад, – тихо ответил он.

Они думали, что у них есть вся жизнь.

Но однажды жизнь решила иначе.

Это было летом. Небо было таким же синим, как её мечты. И вдруг – крик. Лошади. Дым. Они пришли на рассвете – те, кто называл себя торговцами, но были охотниками за душами.

Александра пряталась в амбаре. Левко пытался увести их прочь. Он набросился на одного из захватчиков с вилами. Его крик она слышала всю свою жизнь.

Потом – ночь. Путы. Корабль. Слёзы. Море. Бескрайнее.

Она увидела его. Но не так, как мечтала. Не свободной – а пленницей.

Всё её детство осталось на том холме. В птичьих перьях. В поцелуе, который так и не случился. В мальчике, чьё имя она повторяла в темноте, сжимая кулаки.

Но внутри неё зародилось что-то новое.– Что-то сильное. Как корень дуба, пробившийся сквозь камень. Не страх – а ярость. Не отчаяние – а желание жить. Не просто выжить, а однажды вернуться – сильной, великой.

И тогда она ещё не знала, сколько рек крови и золота будет пролито, чтобы исполнить эту клятву.

Глава 2 – Врата Золотой Клетки

Константинополь. Гарем дворца Топкапы.

Корабль медленно вошёл в бухту, как зверь в клетку. Вода вокруг была чёрной, как вино, разбавленное кровью. Александра стояла на палубе, сжимая оковы, как будто они могли дать ей опору.

Она больше не плакала. Слёзы остались в Рутении. Здесь, в этом новом мире, они были бесполезны.

На берегу её встретили молча – евнухи в роскошных одеждах, с холодными лицами, словно высеченными из камня. Их взгляды – как ножи: не ранят, но пугают.

Потом – дворец. Стены из белого камня, узоры, которые невозможно охватить взглядом. Всё пахло ладаном, сандалом и чем-то тревожным, как в храме перед жертвоприношением.

– Запомни, – прошептала старая женщина, сопровождавшая девушек. – Здесь ты никто. Но если сыграешь правильно, то станешь всем.

Им дали новые имена, новую одежду, новые правила. Теперь она – Хюррем. «Весёлая». Ирония? Судьба? Или тонкий намёк на то, как дворец ломает и лепит из тебя маску?

В первый вечер их отвели в баню. Там, среди пара и мрамора, Александра – теперь Хюррем – впервые увидела их: других девушек. Одни – испуганные, другие – расчётливые. Третьи – красивые, как грех. Среди них – Нигяр, с глазами цвета чая и змеиным голосом.

– Новенькая? – она окинула её взглядом. – Ты здесь ненадолго. Такие, как ты, быстро сгорают.

Александра молчала. Она уже знала, что враги здесь улыбаются, как подруги.

Позже, когда свет погас и тьма окутала гарем, она услышала рыдания за стеной. Кто-то не выдержал. Кто-то вспомнил дом. Кто-то понял, что отсюда нет выхода.

Хюррем лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

«Здесь я не сгорю, – думала она. – Здесь я стану пламенем».

Глава 3 – Сулейман

Несколько месяцев спустя

Годы в гареме – это не годы. Это вечность, сжатая в узкий коридор между надеждой и страхом.

Хюррем училась. Танцевать. Говорить по-турецки. Готовить, как повара султана. Но главное – видеть. Считывать взгляды. Слушать шаги. Замечать дрожь в голосе. Она стала внимательной, как кошка. Тихой – но только снаружи.

В гареме было две силы: Валиде-султан – мать султана, и Махидевран – главная фаворитка, родившая ему сына. Остальные – лишь тени.

До того дня.

Хюррем не помнила, как её выбрали. Просто однажды её разбудили до рассвета. Нарядили в тонкое, почти прозрачное платье. Смазали кожу маслом жасмина. И повели.

Комната была наполнена запахом благовоний и золота. В центре – он.

Сулейман.

Он был другим, не таким, как в рассказах. Не старик, не зверь. Он был молчалив. Сильный. И в его глазах было что-то… пустое. Как будто он видел слишком много и уже ничему не удивлялся.

Она не поклонилась низко. Не опустила глаза. Она просто стояла и смотрела. Смело. Спокойно.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Хюррем, – ответила она. – Но когда-то меня звали Александра.

Он улыбнулся. Впервые.

Ночь прошла. И что-то изменилось.

Слухи поползли, как змеи. Махидевран разбила зеркало. Нигяр исчезла. А Хюррем… стала той, кого начали бояться.

И это был только первый шаг.

Глава 4 – Шёпоты под золотыми сводами

Топкапы. Гарем. Несколько дней спустя.

Хюррем сидела у окна, выдергивая тонкие нити из шёлковой ткани. Это было задание от наставницы – научиться шить. Но её пальцы двигались сами по себе, а мысли были далеко.

После той ночи султан больше не звал её. Всё было как прежде – или почти. Взгляды стали другими. Не только у евнухов и наложниц, но и у самой Валиде-султан. Особенно у Махидевран.

Та наблюдала за ней, как ястреб. Сдержанно. Холодно. Улыбаясь губами, но не глазами.

И в гареме начали происходить странности.

Однажды утром её сандалии исчезли. На следующее утро её постель была мокрой. Потом в её еде оказалась игла. Маленькая, заточенная, в рисе. Евнухи развели руками. «Случайность».

Хюррем не жаловалась. Только смотрела. Запоминала. Думала.

– Ты наступаешь на чью-то территорию, – шептала ей Гюльфидан, девушка из Крыма, с добрым лицом и вечно дрожащими руками. – В гареме слабых топчут, сильных травят.

– А что делают с умными? – спросила Хюррем.

– Боятся.

Через неделю её снова вызвали.

Ночь была прохладной. Луна висела над Топкапы, как надгробие. Она шла по коридору босиком, слыша только собственное дыхание.

Сулейман встретил её с книгой в руках. Он часто читал. Это удивило её – правитель и поэт? Стратег и философ?

– Ты умеешь читать? – спросил он.

– Да. На польском. И немного по-латыни.

Он протянул ей пергамент. Стихи. Она прочла их вслух. Сначала её голос дрожал, но потом стал твёрже. Он смотрел на неё, но словно видел кого-то другого.

– Твоя душа не похожа на остальные. Ты не боишься? – тихо спросил он.

Она взглянула прямо в глаза.

– Я боюсь… не быть собой.

Он усмехнулся. И прикоснулся к её щеке.

В тот миг она поняла: он не влюблён. Пока нет. Но он заинтригован. И это её шанс.

Утром её имя впервые произнесли вслух в женских покоях. Слуги перешёптывались. Кто-то прошёл мимо и сплюнул. Кто-то назвал её «ведьмой». Кто-то – «змеёй».

А потом… она вошла в баню. И снова увидела Нигяр. Та стояла у края бассейна, выпрямившись, как копьё.

– Думаешь, он выберет тебя? – прошипела она. – Таких, как ты, здесь десятки каждый год. Но только Махидевран родила ему сына. Это её трон. Её слава.

Хюррем подошла ближе. Ни капли страха.

– У трона нет сердца. У него есть только опора. А султан – человек. Его можно завоевать. Не только телом, но и душой.

– Он забудет тебя, – бросила Нигяр. – Как забывал сотни до тебя.

– Может быть. Но тогда я напомню ему о себе. Так, что он забудет обо всех остальных.

Той же ночью в покоях Валиде-султан, за чашкой чая, раздался тихий голос:

– Она опасна. Не просто рабыня. Она смотрит так, будто пришла остаться.

И старуха, мать повелителя, впервые прищурилась. Как будто почувствовала, что тень подкрадывается к её собственному сыну. К власти. К порядку.

Глава 5 – Запах граната и кожи

Ночь опустилась на дворец, словно бархатное покрывало. В покоях султана горели лампы, разливая янтарный свет по резным стенам. Запах ладана смешивался с ароматом свежесрезанных гранатов.

Хюррем сидела у зеркала. Руки дрожали, но она заставила себя успокоиться. Она знала: её снова позвали. Во второй раз. А это значит, что она не забыта.

Гюльфидан заплетала ей волосы в тонкие косы и шептала:

– Твои глаза… они как огонь. Не давай ему покоя. Заставь его сгореть.

Платье на ней было из тончайшего газа, почти невесомое. Ткань скользила по телу, как прикосновение. Под ним – ничего, кроме её воли.

Когда её привели, Сулейман стоял у окна. Он смотрел на город, раскинувшийся под ним, как шахматная доска. Царь мира. Лев.

– Ты снова смеёшься? – спросил он, не оборачиваясь.

– А ты снова зовёшь? – ответила она.

Он повернулся. В этот момент между ними повисла тишина, натянутая, как струна. Ни одного лишнего слова. Ни одного лишнего жеста. Только взгляд.

Он подошёл ближе. Прикоснулся к её щеке. И медленно, почти торжественно, провёл пальцами по её ключицам.

– Я видел сотни женщин. Но ты… ты как песня, которую не дослушаешь до конца. Она остаётся в голове. В сердце.

Она взяла его руку. Медленно. С вызовом.

– А ты – как меч. Острый. Холодный. Привлекает… и пугает.

Он усмехнулся. Прижал её к себе. Её дыхание сбилось, сердце застучало. Но страх сменился жаром. И в этой близости было не только влечение. Была власть. И игра. И безмолвное обещание – никто из них не выйдет из этой ситуации прежним.

Его губы касались её шеи, плеч, груди. Он изучал её тело, как изучают карту нового мира – осторожно, страстно и властно. А она отвечала ему без рабской покорности – с огнём, с вызовом. Она не отдавалась. Она – принимала участие.

В ту ночь Хюррем была не просто женщиной в его постели. Она стала отравой в его крови. И он ещё не знал, насколько смертоносной.

Утром во дворце царила тишина, но в воздухе витала гроза. Махидевран разбила лютню о стену. Валиде-султан отправила евнуха с посланием к визирю.

А в покоях Хюррем, среди лепестков роз и аромата амбры, она сидела на подушке и писала письмо. По-турецки. Медленно, но уверенно. Это было её первое письмо султану.

«Ты пробудил во мне женщину. Я пробудила в тебе мужчину. Теперь ты знаешь, что я не сон. Я – твоя бессонница».

Это была не любовь. Пока нет. Это была завязка – узел, который скоро затянется так туго, что его не разрубить ни мечом, ни молитвой.

Глава 6 – Пепел под жемчугом

На Топкапы давно опустилась ночь, но в покоях Махидевран света было больше, чем где-либо. Горели десятки свечей, и от их дрожащего пламени по золотым зеркалам скользили блики, как языки пламени в безумных глазах.

Она сидела перед зеркалом уже третий час. На ней было только тонкое одеяние из тёмного шёлка. Шею украшали нити жемчуга, когда-то подаренные Сулейманом. Волосы были распущены, как у невесты в первую брачную ночь. Но её руки дрожали. Она то заплетала косу, то распускала её. То брала духи, то швыряла флакон в стену.

Рядом, на ковре, валялись клочья писем. Она вытащила их из тайника. Это были его письма. Старые. Тёплые. Написанные до… неё. До этой рыжей змеи, которая смеет смеяться над султаном, как будто он – обычный мужчина.

– Она ведь рабыня, – прошептала Махидевран, глядя в зеркало. – С восточной гнильцой в душе. Как он может…

Она не закончила фразу. Просто вскочила – и ударила по зеркалу. Треск. Осколки. Тонкая струйка крови на пальцах.

Но боль была слабее, чем то, что внутри.

Сулейман давно уже не звал её. Не смотрел, как раньше. Не касался. Теперь в его глазах была только… она.

Махидевран бросила взгляд на маленькую кроватку у стены. Там спал Мустафа – её сын. Единственный наследник. Сулейман любит его, да. Но любовь к ребёнку не спасает мать. И если она, Хюррем, родит ему другого… всё изменится. Навсегда.

Позже ночью она позвала свою служанку Айше, немую, но преданную.

– Принеси мне то зелье, что ты хранишь у старухи-ведьмы в Галате. Да, то самое. – Её голос был холоден как лёд. – И добавь его в утренний шербет Хюррем… не для смерти. Для боли. Чтобы её согнуло. Чтобы её кожа потемнела. Чтобы он увидел – она не богиня. Она – гниль.

Айше поклонилась и исчезла в темноте.

А утром Хюррем, как обычно, вышла в сад. Султан был в походе, и она наслаждалась редкой свободой. Лёгкий ветерок трепал её волосы, и она смеялась. Просто смеялась. И этот смех достиг ушей Махидевран.

Это было как удар. Как плеть. Как яд, капающий на сердце.

Махидевран смотрела на неё из тени колоннады, прикусив губу до крови. И в её глазах вспыхнуло что-то новое. Не просто ревность. Не просто обида. Жажда уничтожения.

«Если ты отняла у меня мужчину… я отниму у тебя лицо. Тело. Гордость. А потом – сына. Когда ты его родишь. Потому что в этой клетке выживает не любовь. А страх».

Глава 7 – Запах жасмина и горечи

День начинался как обычно. Лёгкий утренний ветерок доносил запах цветущего жасмина, и Хюррем, сидя на террасе, пила шербет. Он был прохладным, с мёдом и лимоном, таким, как она любила.

Всё было спокойно.

До того, как её пальцы начали сводить судорогой.

Сначала – лёгкое покалывание. Потом – дрожь в запястьях. Веки стали тяжёлыми, язык – ватным. Она встала… и тут же села обратно, потеряв равновесие.

– Гюльфидан… – прошептала она. – Что-то не так…

Служанка бросилась к ней, испуганно дрожащими руками осматривая лицо Хюррем. На лбу выступила тонкая испарина. Лицо стало бледным, как у мраморной статуи.

– Это… сглаз! Или отравление! – прошептала девушка. – Я сейчас… я позову знахарку. Только держись!

В комнату вошла незнакомая женщина в тёмном платье и с повязанным платком на голове. Она не поклонилась. Не спросила разрешения. Просто подошла к Хюррем, взяла её за запястье и приложила к нему какой-то острый камень.

– Нервы. Жара. Усталость. Тебе нужно молоко с шафраном. И тишина. А ещё лучше – три дня поста.

Хюррем посмотрела на неё мутным взглядом. Что-то в этой женщине было не так. Её голос был слишком ровным. Глаза – слишком тёмными. Пальцы – с ожогами на кончиках.

«Не верь глазам. Верь животу», – сказала ей когда-то мать, когда она была маленькой.

И сейчас её тело кричало: уходи. Это ловушка.

Как только незнакомка ушла, Хюррем попросила Гюльфидан:

– Приведи мне того старого евнуха. Хасана. Он служит у повара. Он знает запахи.

Через час Хасан стоял перед ней. Её шербет лежал на столе. Он вдохнул его. Потом ещё раз. Потом уткнулся носом в её пальцы.

И сказал:

– Мадам… в этом – не только лимон. Здесь… крушина. И мак. И… мухомор. В сухом виде. В очень маленькой дозе.

Хюррем сжала подлокотник кресла.

– Если бы выпила весь кубок?

– Три дня рвоты. Галлюцинации. Затем отказ почек. Медленно. Без следа.

Она молча кивнула. И добавила:

– Никому. Ни слова.

Поздно ночью, уже придя в себя, она смотрела на небо. Она лежала на подушках, укрытая лёгким покрывалом, а рядом на столике тлел ладан.

Гюльфидан сказала тихо:

– Это Махидевран. Я почти уверена. Только она знала, как ты любишь шербет.

Хюррем ничего не ответила. Только улыбнулась. Медленно. Ледяной, красивой улыбкой женщины, которая поняла правила игры.

– Хорошо, – прошептала она. – Хочешь поиграть с ядом? Давай. Но знай… я научусь варить свой. Только вкуснее.

И на следующий день в гареме появилась новая женщина. Молодая, но с холодным лицом. Лекарь. Настоящий. Хюррем вызвала её лично. Тайно. Через евнухов.

И первая её просьба была странной:

– Научи меня, какие травы вызывают сны. А какие – видения. Какие вызывают слабость. А какие – соблазн.

Лекарка подняла на неё взгляд.
– Вы хотите травить?
– Нет, – ответила Хюррем. – Я хочу выбирать, кого лечить. А кого не спасать.

Глава 8 – Тени и ароматы

В Топкапы ранняя весна была такой, как её рисуют в мечтах. В саду пахло жасмином и сиренью. Листья ещё не успели покрыться плотной зеленью, но всё вокруг – как новое начало: нежные, почти прозрачные побеги, на которых плещутся капли утреннего дождя. Розы, ещё не раскрывшиеся до конца, как загадка, стояли вдоль дорожек, изгибаясь в такт ветру. На этом фоне Хюррем казалась ещё более яркой – её алые волосы развевались, как огонь, и её платье, белое, с тонкими золотыми вышивками, напоминало лепестки, на которых ещё не осела роса.

Она шла по саду медленно, чувствуя каждый шаг, каждое прикосновение к земле. Тут было особенно спокойно, и даже голос птиц звучал словно в отголоске её мыслей. Это было её время – время перед тем, как в гарем вернётся султан. Она стояла здесь, в полной тишине, и ощущала себя частью этого мира, где её возможности были безграничны.

Подходя к маленькому фонтану, она остановилась и присела на каменную скамью. В её руке – маленький флакон с душистой жидкостью. Это была смесь лепестков роз, шафрана и редкого сока, собранного только в ту ночь, когда луна была полной. Это не просто смесь для тела. Это было заклинание.

Она растерла несколько капель на коже. Это не было болезненно – наоборот, её тело наполнилось легкостью. Но она знала: те, кто почувствует этот аромат, будут думать о ней, будет тянуться, и не смогут забыть. Особенно, если она с этим запахом приближается к кому-то.

Гюльфидан подошла с корзиной свежих цветов. Она заметила флакон в руках Хюррем.

– Ты собираешься использовать его? – спросила девушка, с любопытством наблюдая.

Хюррем не сразу ответила, но её взгляд был уверенный.

– Лишь если понадобится, – ответила она с лёгкой улыбкой. – Магия всегда должна быть наготове, но никогда не проявляться.

Гюльфидан кивнула, но в её глазах промелькнуло беспокойство.

– Они говорят, что ты можешь сделать так, чтобы кто-то полюбил тебя. Султан… Он уже смотрит на тебя по-другому. Ты использовала эту магию?

Хюррем задумалась.

– Магия не в заклинаниях, Гюльфидан. Она в том, как ты заставляешь его думать. И как ты заставляешь его жаждать.

Вечером, когда сад окутал полумрак, Хюррем почувствовала присутствие. Кто-то следил за ней. Шорохи в кустах, едва слышные шаги. Она обернулась, и увидела фигуру в тени.

– Махидевран, – произнесла она спокойно.

Женщина вышла на свет, её лицо, как всегда, было скрыто тенью. Но в глазах было нечто большее, чем просто зависть. Это была ярость.

– Ты что-то скрываешь от нас, Хюррем, – сказала она, словно это был не вопрос, а обвинение. – Эти твои лесные зелья… И как ты с ними обращаешься.

Хюррем посмотрела на неё, её глаза сверкали, как остриё кинжала.

– Магия, как и любовь, не любит доказательств. Она любит результат.

Махидевран сделала шаг вперёд. Теперь её голос звучал угрожающе тихо.

– Ты играешь с огнём, и рано или поздно сгоришь.

Хюррем не отступила, её рука невольно сжала шёлковый платок, который она только что привезла с востока – из Дамаска. Он пах одним из тех запахов, что не удаётся забыть.

– Если сгорит, то сгорю я. Но ты, Махидевран, горишь уже сейчас. Ты не знаешь, как играют в эту игру. Не понимаешь.

На следующий день Хюррем снова оказалась в садах Топкапы. Лёгкий дождик превратил землю в бархат, а воздух стал густым, тяжёлым, полным дождевых запахов. Хюррем прогули-

валась по дорожкам, касаясь пальцами лепестков роз. Всё было спокойно. Но она знала – это только передышка.

Когда она подошла к старому оливковому дереву, ей в руки подали письмо. Это был евнух, его лицо скрывал капюшон, но в его взгляде было что-то, что заставило её насторожиться.

Она развернула письмо и прочла. Он приказал ей быть настороже. Это был предупреждающий жест. Сулейман знал. Всё знал. Теперь она была в центре игры, и коварство, с которым её пытались поймать, становилось всё явственнее.

Хюррем улыбнулась.

– Играй же, – прошептала она себе, – но знай, я уже давно делаю ходы, которых ты не видишь.

Глава 9 – Игра теней и света

Топкапы был в тени своих древних стен. В садах росли экзотические растения, и в воздухе витал аромат специй и жасмина. Хюррем сидела на террасе с чашкой крепкого кофе, наслаждаясь редким моментом покоя. Но тут её взгляд поймал силуэт, который не был ей чужд – Ибрагим-паша, её давний соперник, а для многих – один из самых влиятельных людей в империи.

Он стоял в дверях, его строгий взгляд был устремлён на неё, но в глазах скрывался интерес. Ибрагим – человек, который когда-то был другом султана и стал его верным советником, но вот их отношения с Хюррем всегда были натянутыми.

– Хюррем, – произнёс он, подходя ближе, – вижу, ты всё ещё прекрасно развлекаешься в наших садах.

Её глаза потемнели на мгновение. Она знала, что его появление не случайно. Ибрагим всегда был рядом с султаном, его ближайший советник. И именно он с самого начала выражал недовольство её влиянием на султана. Он считал её слишком опасной для стабильности империи.

– В вашем обществе садов, Ибрагим, всегда есть место для каждого, – ответила она холодно, но её улыбка была изысканной и едва заметной. – Если бы не ваша забота о султане, я бы, возможно, заблудилась здесь среди этих бескрайних цветов.

Он знал её тонкую игру. Это был не случайный комплимент, а язвительная атака. Но он лишь кивнул, не показывая ни раздражения, ни удовольствия.

– Я просто хочу напомнить тебе, Хюррем, – сказал Ибрагим, его голос стал тише, – что султану необходима верность. Твоя роль в этом дворце не должна затмевать роль других.

Она встретила его взгляд с полной уверенностью. Слишком долго её роли в этом дворце недооценивали. Он лишь не понимал, что она уже давно играла в эту игру, а не пыталась «играть» роль жены султана.

– Я никогда не забыла о верности, Ибрагим. Но мой долг перед султаном – это не просто верность. Это любовь. И власть, которая придёт с этим.

Он не ответил. Он просто отвернулся и пошёл в сторону дворца. Он знал: она выиграла ещё одну битву.

После его ухода, Хюррем взглянула на цветущий сад, но теперь её мысли были заняты другими вещами. Ибрагим-паша был сильным соперником. Но её магия, её манипуляции с травами и чары – всё это становилось её оружием. И, как бы он не старался, она всё равно будет на шаг впереди.

В это время, по коридору шли сёстры султана. Их лица были полны сдержанного, но изысканного благоволения. Их разговоры не обманывали её – за спинами, они всё больше шептались, что «Хюррем всё ближе к трону».

Хатидже и Фатьма уже не пытались скрывать своих чувств. Они не открыто заявляли о своей ненависти, но каждый взгляд, каждое слово было тщательно продумано, как бы выразить пренебрежение, не переломив дипломатический тон.

– Ты видела, как султан смотрит на неё? – произнесла Хатидже с холодной улыбкой, когда Хюррем прошла мимо. – Он больше не влюблён. Он просто… привязан. Но она не знает, что привязанность не равно власти.

– Хюррем станет султаншей, Хатидже, – усмехнулась Фатьма. – Ведь она знает, как завоевывать не только сердца, но и умы. Тот, кто верит, что она слабая, очень ошибается.

Обе сестры смотрели вслед Хюррем, и когда та ушла, их взгляд оставался полным скрытого негодования. Вражда была очевидной. Но они улыбались ей в лицо. Они делали вид, что

их поддержка – искренняя. В их играх была своя магия, свой заговор. Они не знали, что Хюррем уже играла с ними на своём поле.

Сулейман вернулся домой в тот же день. Он был устал, но его глаза ярко горели. Хюррем, как всегда, была рядом, и её присутствие для него стало неизбежным. В ту ночь, когда они остались наедине, Хюррем почувствовала, как его рука слегка коснулась её волос. Это был не просто жест. Это была уверенность, что она – не просто женщина. Она была частью его жизни, частью его царства.

– Я вижу тебя, Хюррем. И ты стала больше, чем просто фавориткой, – произнёс он, его голос был полон искреннего восхищения. – Ты играешь не в игры. Ты… управляешь этим дворцом.

Она подошла ближе и в ответ коснулась его губ.

– Я не просто управляю этим дворцом, султан. Я буду управлять империей. И ты мне поможешь.

И так, игра продолжалась. В гареме, среди цветов и древних стен, каждый шаг был важен, и каждый взгляд мог стать решающим. Хюррем становилась всё более могущественной, но Ибрагим и сёстры султана – оставались её врагами, даже если их улыбки скрывали леденящий страх.

Глава 10 – Лунный яд

Ночь в Топкапы была прозрачной и тёплой. Луна висела над дворцом, будто наблюдала за теми, кто спит и кто плетёт свои интриги в темноте.

В мраморной купальне, освещённой свечами, Хюррем сидела в тёплой воде, напоённой настоями роз и сушёных лепестков граната. Рядом на низком столике лежал мешочек с редкими травами, которые ей недавно привезли из далёкой Анатолии. Среди них была одна – чёрная мелисса, та, что, как говорили старые знахарки, может вызвать у мужчины либо страсть, либо страх. Всё зависело от того, кто её применяет.

– Завтра я приглашу султана в сад, – сказала Хюррем своей приближённой служанке Сафие. – И ты добавишь в его настой немного этой травы. Совсем чуть-чуть… Её вкус он не заметит, но сердце его станет горячим, как пламя.

Сафие лишь кивнула. Она знала: если Хюррем прибегала к травам, значит, в гареме снова сгущались тени.

Тем временем в своих покоях Махидевран металась, как раненая львица. Она уже давно знала, что теряет Сулеймана. Но когда услышала от одной из служанок, что султан снова провёл ночь с Хюррем – в её глазах вспыхнуло безумие.

– Она его околдовала! – кричала Махидевран, швыряя зеркало на пол. – Это не любовь, это чары! Она ведьма! Колдунья!

– Госпожа, пожалуйста… вас могут услышать, – прошептала Бану, её старая служанка.

– Пусть слышат! Пусть все знают, что я не боюсь эту бесстыжую девку! – но потом Махидевран резко замолчала, села и стиснула руки. – Но если она играет в магию… я сыграю в месть.

В тот же вечер Махидевран тайно встретилась с Фатьмой, сестрой султана. За чашкой сладкого щербета, под шелест тонких занавесей, они заговорили как союзницы.

– Ты не видишь, Фатьма? Она уже почти у трона, – сказала Махидевран. – Но пока я жива – я не позволю ей стать валиде.

– Мы с Хатидже уже обсуждали это, – ответила Фатьма с усмешкой. – Возможно, пришло время нам действовать вместе. Сестры, матери… мы все здесь под угрозой. Она – чужая.

– Тогда ударим первыми, – прошептала Махидевран. – И не только словами.

Их глаза встретились. Союз был заключён.

А в это же время, Ибрагим-паша, глядя на звёзды с террасы, вновь думал о Хюррем. Она была как пламя – яркое, дикое, неуправляемое. Он не мог понять, что раздражало его больше – её влияние на султана или его собственная тайная зависть к её способности управлять сердцами. Он знал, что она хочет власти, как и он. Но она шла к ней не мечом, а взглядом, прикосновением, улыбкой… и, возможно, ядом.

– Ты не женщина… – прошептал он в пустоту. – Ты буря в шелковых одеждах.

На следующее утро султан действительно вышел в сад. Роса всё ещё блестела на лепестках алых роз, а гранаты наливались тяжёлым рубиновым светом на деревьях. Хюррем ждала его под аркой из винограда.

Он сел рядом, вдохнув аромат свежего настоя с мёдом и лимоном. Сафие, как и велено, добавила туда совсем чуть-чуть чёрной мелиссы. Вскоре его взгляд стал мягче, а рука скользнула к запястью Хюррем.

– Ты словно солнце, – прошептал он. – Я забываю себя рядом с тобой.

– Не забывай себя, мой султан, – ответила она, – но помни меня.

И пока он пил напиток, Хюррем смотрела в его глаза, чувствуя, как ещё одна нить тянется крепче между ними. Не магия трав, а сила её воли, её желания, её стратегий.

Но в её глазах отражалась луна, и в этот миг она знала – борьба только начинается.

Глава 11 – Запах предательства

Осень пришла в Топкапы внезапно. Листья в саду стали бронзовыми, и ветер с пролива приносил в гарем свежесть, тревожащую, как шёпот заговорщиков.

Махидевран сжимала в руках небольшой золотой флакон с прозрачной жидкостью. Её глаза блестели – то ли от слёз, то ли от злобы.

– Вот и посмотрим, кто у нас настоящая ведьма, – шептала она, передавая флакон служанке. – Это не яд. Это средство, что вызывает сны… тяжёлые, пугающие. Пусть её султан увидит её в ночных кошмарах такой, какая она есть на самом деле. Пусть проснётся… с ужасом в сердце.

Фатьма, наблюдавшая за происходящим из-за занавеси, кивнула с холодной ухмылкой:

– Начинаем игру.

Тем же вечером Хюррем шла по саду. Воздух был густой, пропитанный ароматами увядающих роз и зрелых гранатов. Над ней тихо шелестели ветви, а в груди было тревожное чувство – будто кто-то наблюдает.

Она остановилась у фонтана. Вода в нём была чёрной от ночной тени. Хюррем закрыла глаза и погладила амулет, висевший на её шее – маленький камень яшмы, с которым она не расставалась с юности. Он даровал ей сны – ясные, пророческие. Но сегодня… он был холоден.

Позже, когда султан пришёл к ней, его взгляд был рассеян. Он поцеловал её, но в его прикосновении не было огня. Лишь тень.

– Ты утомлён? – спросила она, пытаясь заглянуть в его душу.

– Мне снился сон, – ответил он, отводя взгляд. – Ты… ты была в крови. А вокруг тебя горели стены гарема.

Хюррем замерла.

– Это лишь сон… – прошептала она, но её сердце сжалось. Кто-то вмешался. Кто-то сыграл грязно.

В ту же ночь, когда Хюррем ушла к себе, она зажгла лампу и села у стола. В её руках были высушенные корни и мешочек с полынью. Она разложила их на шёлковой ткани и закрыла глаза. Она знала, что где-то рядом – предатель. Она чувствовала магию, но не свою.

– Ты хочешь видеть сны, султан… – шептала она, бросая травы в жаровню. – Я покажу тебе истину.

Вся комната наполнилась дымом. Сафие закрыла двери, а Хюррем начала колдовать. Не громко, не театрально – тихо, страшно, глубоко. Она звала защиту духов. Не для себя – для него. И чтобы найти того, кто проник в его разум.

Тем временем в покоях султана снова появился Ибрагим. Он пришёл без вызова, как и раньше, в те годы, когда они были друзьями, а не государем и визирем.

– Ты плохо выглядишь, султан, – сказал он, налив себе вина.

– Сны… – только и ответил Сулейман.

– Может быть, кто-то подсыпает тебе что-то? – Ибрагим сделал паузу. – Ты сам говорил мне: в этом дворце даже цветы могут быть опасны. Особенно, если они слишком ядовиты и пахнут восточным благовонием.

Сулейман медленно повернулся к нему.

– Ты намекаешь на Хюррем?

– Я лишь хочу, чтобы ты думал трезво, повелитель. Она – слишком умна, слишком быстра. Женщина, которая знает магию… может изменить даже волю султана. Ты не боишься?

– Я боюсь потерять её, Ибрагим. Вот чего я боюсь.

Ибрагим промолчал. Он знал, что ответ султана – самое уязвимое его место.

Утром Хюррем проснулась раньше обычного. В её покои прибежала Сафие.

– Госпожа! Сегодня ночью служанка Махидевран была замечена у кухни. Она отдала повару флакон. Я говорила с ним. Он признался. Это был отвар. Не яд… но…

Хюррем сжала губы.

– Я поняла. Она хочет поиграть в страх… Так пусть получит ответ.

В тот же вечер она передала Фатьме вежливое приглашение – прийти на чай. Отказаться было невозможно – гарем жил по своим правилам.

Фатьма явилась, гордо, с поднятой головой. Хатидже пришла следом, а Хюррем уже ждала, одетая в сиреневый кафтан, украшенный аметистами. Её волосы были заплетены в венец, на лбу – тонкая нить с жемчугом.

– Мои любимые гостьи, – проговорила она, – как приятно видеть вас.

– Твои угощения всегда волшебны, Хюррем, – усмехнулась Фатьма. – Почти как ты сама.

– Магия в руках женщины – всего лишь её ум, – ответила Хюррем, разливая чай. – Но, говорят, если вино с горечью – оно становится зеркалом. Что в душе, то и всплывёт на языке.

Они пили, улыбались, переглядывались.

Но в воздухе уже витал аромат войны.

Глава 12 – Зеркало теней

В один из тех вечеров, когда сад Топкапы был наполнен сладким ароматом ночных жасминов, Хюррем отправилась в старую часть гарема. Там, где давным-давно жила одна колдунья из Сирии, изгнанная при бабке Сулеймана за то, что пыталась вызвать духов.

В этом забытом крыле оставалась лишь пыль, паутина и… одно зеркало. Высокое, в резной раме, потемневшее от времени, но всё ещё притягивающее взгляд.

– Сюда нельзя входить, госпожа, – шептала Сафие. – Говорят, оно отравлено чарами…

– Вот именно потому я и пришла, – сказала Хюррем. – Здесь я увижу то, что скрыто от глаз.

Она встала перед зеркалом и зажгла свечи. Их пламя отражалось и множилось, будто в зеркале жили тысячи лиц. Хюррем разложила травы – сушёный шалфей, дурман, клевер с чёрной каймой. Смешала с каплей своей крови.

– Покажи мне… её лицо. Ту, что против меня. Ту, чьё сердце бьётся рядом с предательством…

От зеркала повеяло холодом. Из глубины показалась тень… Женщина. Лицо смазанное, но волосы – тёмные, длинные. На губах – усмешка.

– Махидевран… – прошептала Хюррем. – Ты хочешь играть с магией?

Она вытащила из рукава шелковый платок, в котором был завернут свёрток – небольшой саше с порошком. И в ту ночь она велела Сафие подложить его в подушку Махидевран. Порошок должен был вызывать тревожные, мучительные сны… и ощущение, будто кто-то следит изнутри.

– Пусть она сама сойдёт с ума от собственных страхов, – сказала Хюррем.

Тем временем, в более светлых и просторных покоях, Сулейман сидел на подушках с Ибрагимом. Перед ними – золотой поднос с засахаренными инжирами, айвой в мёде и крепким чаем с кардамоном.

– Я не люблю эти ночи, Ибрагим, – проговорил Сулейман, глядя в окно. – Они дышат тайнами. Даже когда я с ней, с Хюррем… я чувствую, что рядом что-то скрытое. Мрак.

Ибрагим молча кивнул.

– Может быть, не она… а дворец. Гарем сам стал существом, живущим по своим законам. Женщины… они воюют иначе, но куда жестче нас.

– Я должен отправиться в поход весной, – сменил тему Сулейман. – Венгрия опять дрожит. Я должен показать силу.

– Ты поедешь. А я поеду с тобой. Но оставь в Стамбуле только того, кому доверяешь полностью, – ответил Ибрагим. – Иначе дворец превратится в гнездо змей.

Они выпили, и их взгляды пересеклись. Ибрагим не сказал вслух, кого именно он считает змеёй.

На следующее утро Махидевран проснулась в холодном поту. Её сердце колотилось, как бешеное. Во сне она снова видела Хюррем – стоящую в белом платье, с горящей лампой в руке. Она не говорила, но от неё шёл страх.

– Мне подсыпали что-то, – прошептала она, глядя в подушку. И правда – среди перьев она нащупала мешочек с сухими лепестками.

– Чары! – закричала она. – Она наслала на меня проклятие!

Но когда Махидевран бросилась к Сулейману с жалобой, он лишь сдержанно выслушал её.

– Ты уверена, что это не плод твоего воображения? – спросил он.

– Ты мне не веришь?! Ты теперь даже смотреть на меня не хочешь! Она затмила тебя!

Сулейман встал, и голос его стал холодным:

– Хюррем – не просто женщина. Она мать моих детей. Она… моё сердце. Если ты хочешь бороться – борись достойно. А не визгом и страхом.

Махидевран ушла, униженная и разбитая. А Хюррем, глядя в то самое зеркало, в котором уже не было отражений, лишь тихо улыбалась.

– Я не причиняю боль… я просто раскрываю истину. Но если ты хочешь войны, Махидевран – ты её получишь.

Глава 13 – Гнев гарема

Слухи витали, как ласточки над садом: «Хюррем вновь беременна… и султан надеется, что это будет мальчик».

Махидевран, чьё положение зависело только от статуса её сына Мустафы, всё чаще сидела в тени, вглядываясь в клумбы, будто цветы могли ответить ей, что будет дальше.

Хюррем же, будто наслаждаясь властью, вышагивала по гарему с лёгкой походкой и загадочной улыбкой. Она не говорила напрямую, но достаточно было одного взгляда, чтобы все поняли: она уверена – её сын станет наследником.

– Ты снова улыбаешься, как будто уже коронована, – язвительно заметила Фатьма, проходя мимо.

– А ты завидуешь, как будто потеряла своё отражение, – парировала Хюррем, проходя мимо с подносом фруктов.

Но тем вечером она пошла дальше. Она знала, что Махидевран на грани, и теперь – пора подтолкнуть её к краю.

Во время прогулки по саду Хюррем подошла к Махидевран, которая сидела под гранатовым деревом.

– Мустафа прекрасный мальчик, – сказала она, будто невзначай. – Но ты ведь понимаешь, что у султана должен быть наследник от женщины, которую он по-настоящему любит?

– Что ты сказала? – Махидевран встала.

– Я сказала, что скоро я рожу ему сына. И если Аллах позволит, он будет тем, кто унаследует трон.

Махидевран врезала ей по щеке.

– Ты ведьма! Ты обольстила его чарами!

Хюррем, не колеблясь, схватила её за волосы и потащила вниз, на каменные плиты. Их тела закрутились в вихре гнева, платье Хюррем порвалось, Махидевран царапалась, визжала, а Хюррем била кулаками и ногами, защищаясь, яростно, почти животно.

– Это за Мустафу! – кричала одна.

– Это за моего младенца! – вторила другая.

Служанки бросились разнимать. Один евнух, попытавшись встать между ними, получил по уху так, что рухнул на клумбу. Кто-то из девушек упал вместе с ними, получив по лбу локтем.

Вся сцена превратилась в хаос.

Когда Сулейман узнал, он не мог поверить. Он появился в гареме как буря. Все замерли, опустив головы.

– Что здесь произошло?! – его голос гремел.

Хюррем стояла с взъерошенными волосами, ссадиной на щеке и порванной лентой на груди. Но она смотрела прямо на него, не дрожа.

– Она подняла руку на мать твоего будущего ребёнка, султан.

Махидевран закричала:

– Ложь! Она… она всё подстроила! Она провоцировала меня, оскорбляла Мустафу!

– Ты не имела права поднимать руку. Ни при каких обстоятельствах. – Голос султана был железным.

Он обернулся к телохранителям:

– Махидевран отправится в Старый дворец. Сегодня же. Там ей будет спокойнее.

Но то, что произошло дальше, вошло в хроники как день, когда женщина ударила султана.

Махидевран ворвалась в его покои поздно ночью. Она не плакала – в её глазах было бешенство.

– Ты прогоняешь меня?! Из-за неё?! Из-за этой… этой…

– Остановись, – сказал он, поднимаясь.

– Ты был моим! Только моим! Я родила тебе сына! Я спала у твоих ног, пока она… – и тут, с рыком, она ударила его кулаком в грудь.

Султан отшатнулся.

– Ты обезумела!

Стража ворвалась, оттаскивая её, но она вырывалась с такой силой, будто в ней проснулась армия.

– Она тебя загубит! Она сведёт тебя с ума! – кричала она, уносимая прочь.

Сулейман стоял, тяжело дыша. Ибрагим появился в дверях, молча. Они переглянулись.

– Вот что делают женщины… – тихо сказал Ибрагим.

– Нет, – ответил Султан. – Это делает боль. Презрение. И слишком много любви.

А в это время, в своих покоях, Хюррем разложила карты. На шелке лежали знаки, начертанные травами и маслом.

Она прошептала:

– Один враг пал. Но теперь они будут мстить мне втрое сильнее. И даже Султан – не моя защита. Только тьма и воля.

В зеркале показалась новая тень.

Женщина в роскошном платке.

Хатидже.

Глава 14 – Союз в тени

Сумерки стелились над дворцом бархатным покрывалом. В саду пахло жасмином и мокрой землёй – была недавно гроза. В ветвях деревьев ещё шептали капли, а фонари отражались в мокром мраморе. Дворец спал, но души тех, кто плетёт интриги, не знали покоя.

Хатидже шла по тайной дорожке – в платке, что скрывал её волосы, в чёрном покрывале. Она велела служанке молчать и остаться у ворот.

Ибрагим ждал её в беседке за прудом, где когда-то, много лет назад, они впервые целовались, тайно, украдкой, ещё до того, как её выдали за другого. Его лицо было как камень. На столике между ними – серебряный кувшин с виноградным шербетом и два кубка.

– Ты уверена, что хочешь этого? – прошептал он.

– Она отравляет его душу, Ибрагим. Она уже убрала Махидевран. Завтра она уберёт нас. Меня. Тебя. Всех.

Он кивнул, налил в оба кубка.

– Мы не можем убить её. Это невозможно. Султан никогда не простит. Но… мы можем сломать её изнутри.

– О, не сомневайся, – прошептала Хатидже. – Я знаю, как. Я буду рядом с ней. Я стану её «подругой». Сестрой. Буду улыбаться ей, дарить кольца и сладости, а потом… вытяну у неё душу, как змея вытягивает яд.

Она поднесла кубок к губам.

– Поклянись, Ибрагим.

Он сделал шаг вперёд, взял её за руку. Его голос был тих и твердо-ядовит:

– Клянусь. На крови, на тени, на прошлом. Мы станем змеёй под её ногами.

Они выпили. А затем Ибрагим достал мешочек с белыми нитями и золотыми иглами.

– Это амулет. Я заказал его у дервишей. Спрячешь у её ложа. Он будет впитывать её силу, понемногу… незаметно.

Хатидже взяла амулет с дрожью в пальцах.

– Пусть начнётся её падение.

В это же время Хюррем лежала в своей комнате, окна распахнуты в ночь, ветер трепал её волосы. Рядом – рассыпанные травы, свечи, горящая благовониями чаша.

Она шептала заклинание древним языком, прокручивала пальцами чётки из волчьего зуба.

Её сон – предвестник.

В нём Сулейман стоял на горе, а Ибрагим и женщина в зелёном платке прятались внизу и шептали что-то змее…

Она проснулась, резко села.

– Ибрагим… и женщина…

Сердце билось тревожно.

– Кто ты? Покажись мне.

Она подошла к зеркалу – тому самому, что отражало лишь тайное. Снова огонь. Снова дыхание теней. И вдруг… лицо.

Хатидже.

Улыбка. Ласковая. Ложная.

– Ах ты, змея в шелке…

Утро наступило медленно. В гареме – сладкий аромат лепестков, птичьи крики, плеск фонтана. Служанки смеялись, не зная, что сегодня мир снова раскололся на до и после.

Хюррем вышла в сад, где Хатидже сидела на скамье с вышивкой в руках.

– Сестра, – пропела она, – я хотела бы подарить тебе браслет. Из моей новой коллекции. Он украшен рубинами, как твои глаза.

Хатидже посмотрела на неё. Улыбнулась, медленно встала.

– И я хотела подарить тебе кое-что… – Она достала из рукава маленький свёрток, вышитый золотом. – Это… амулет. На счастье.

Хюррем взяла его.

– Как мило. Спасибо… сестра.

Но когда та ушла, Хюррем положила свёрток на алтарь своих чар и сказала:

– Думаешь, ты умнее меня? Думаешь, я не чувствую яд в шёлке?

Она развязала узел. Внутри – амулет с белыми нитями и иглами. И в тот миг, в пламени свечи, они почернели, словно чувствовали, что раскрыты.

– Играем дальше, – шепнула Хюррем. – Только теперь… я веду.

Глава 15 – Ветер с Карпат и тени матери

Ночь была необычно тиха. Ни крик чаек, ни шагов стражников – всё будто замерло. Только восточный ветер гулял по коридорам дворца, как призрак. На причал у Босфора прибыл тайный челн. С него сошла женщина в тёмном, закутанная в плащ с кожаными нашивками, а рядом – мешочек с пучками трав, пузырьками и крошечными черепами птиц.

Её звали Баба Зора, и в Карпатах её имя произносили с уважением и страхом.

– Ты ведь знала, что я позову тебя, – сказала Хюррем, встречая её в тайной комнате за хаммамом.

– Увидела по золу в пепле. И по тому, как собаки воют на горе.

– Мне нужно усилить защиту. На меня идут со всех сторон. И одна из них – сестра моего Султана.

– Тогда мы плетём кровавую защиту, – шепнула Баба Зора. – С землёй, молоком и именем младенца.

Хюррем затаила дыхание. Её взгляд стал опасным.

– Ради моего сына я сожгу небо.

Тем временем, в покоях, залитых янтарным светом лампад, сидела Валиде Айше Хафса Султан. Несмотря на возраст, в её лице оставалась царственная красота: прямой нос, миндалевидные глаза, мягкая, но уверенная осанка. Волосы под лёгким покрывалом – серебристые, как снег над Самаркандом.

Сквозь резное окно она глядела в сад. Там, внизу, проходила Хюррем, держа за руку младшего сына.

– Она красива. Как огонь, который не умеет быть тёплым – только жжёт, – проговорила Валиде вслух.

Служанка молча поправила подушку за её спиной.

– Я помню, как в этом дворце смеялась моя юность, – сказала Валиде, будто себе. – Как мои волосы заплетал Селим… а теперь я – камень, вокруг которого плещется буря.

Она встала и направилась к своей тайной комнате – там, в сундуке, среди писем, лежали старые травы, засушенные корешки и амулет, подаренный ей дервишем много лет назад.

– Если она играет с тенями… – прошептала Валиде, – …я напомню ей, чья кровь течёт в венах этого дворца.

На следующее утро начались странности.

Слуга упал с лестницы, как будто кто-то подставил ногу – но рядом никого не было.

У фаворитки из гарема начали выпадать волосы после того, как она надела браслет, подаренный Хюррем.

У Ибрагима сны стали пугающими: в них Хюррем сидела на троне из змей, а он был связан и не мог вымолвить ни слова.

Он рассказал Сулейману.

– Ты веришь в колдовство? – спросил султан, наливая себе чаю.

– Я верю в силу воли. И в то, что женщина, которая хочет трон для своего сына, пойдёт даже к самому шайтану за помощью.

Сулейман посмотрел в чашу.

– Я люблю её, Ибрагим. Но если правда то, что ты говоришь… если она перешла ту грань…

– Тогда мы потеряем всё, – тихо произнёс великий визирь.

В ту же ночь Хюррем с Бабой Зорой провели ритуал на крови и воде, под луной, в саду за банями.

Вокруг – круг из соли. В центре – шёлковый платок, в который был завернут обрезок ткани из рубашки Сулеймана.

– Он должен принадлежать только тебе. Ни Валиде. Ни Хатидже. Ни… Ибрагиму, – шептала старая ведунья.

Они разрезали пальцы и смешали кровь.

Ветер взвыл, свечи погасли сами собой.

Из темноты донёсся женский голос.

– Я наблюдаю за тобой, Хюррем…

Она обернулась. Но там не было никого.

Глава 16 – Под лунным знаком: гадание, шпионы и предзнаменования

Ночь была странно тёплой. Воздух был густым, как мускус, и из сада доносился тяжёлый аромат ночных фиалок. Где-то вдалеке журчал старый фонтан, разбрызгивая воду, словно шепча секреты мрамору.

Ибрагим-паша стоял у балюстрады, глядя в темноту гаремного сада. Он уже давно не доверял Хюррем. Её взгляды стали слишком уверенными, шаги – слишком твёрдыми, а влияние на повелителя – почти сверхъестественным. Даже Сулейман с его стальной волей начинал меняться рядом с ней.

– Присмотри за старой женщиной, которая приходит к Хюррем по ночам, – сказал он, не оборачиваясь, одному из верных стражников. – Узнай, откуда она и зачем приносит сушёные травы и чёрные камни.

– Она не простая, господин, – прошептал стражник. – Люди шепчутся, что она ведьма. Она называет Хюррем «Избранной Луной».

Ибрагим сжал руки за спиной.

– Тогда мы узнаем, что предвещает эта луна… до того, как она затмит солнце.

В это же время в другом крыле дворца Валиде-султан позвала свою любимую дочь Хатидже-султан. Комната была наполнена ароматом ладана и розового масла. Занавеси шелестели, словно перешёптываясь между собой.

– Она не просто наложница, – проговорила Валиде, расчёсывая густые волосы, в которых всё ещё сияла прежняя красота. – Она становится… силой. Не только для султана, но и для всей династии.

– Ты хочешь, чтобы я поговорила с ней? – осторожно спросила Хатидже.

– Я хочу, чтобы ты посмотрела ей в глаза и поняла: она готова поглотить всех, кто встанет у неё на пути.

Хатидже кивнула, но в глубине её взгляда мелькнуло что-то своё. Может, интерес. Может, тревога.

Позже, в гареме, предсказания давала придворная гадалка Насиха, словам которой многие верили больше, чем звёздам.

В комнате собрались сёстры султана: Бейхан, Фатьма, Шах и Хатидже. У каждой – свой страх, своё подозрение.

Насиха разложила карты и бросила в чашу пепел роз.

– Путь будет усеян кровью. Один сын падёт. Другой взойдёт. Но матерью победителя будет та, чья сила исходит не от мужчины.

Сестры переглянулись.

– Это о Хюррем, – прошептала Фатьма.

– Или о тебе, Хатидже, – с ухмылкой добавила Шах-султан.

– Я не играю в гаремные игры, – холодно ответила Хатидже, хотя её пальцы сжались в кулаки.

Но пророчество уже пустило корни в их умах.

В покоях Хюррем тем временем горела одна свеча. Тень от пламени плясала по стенам, как призрачная змейка. Она достала мешочек с травами, принесёнными Бабой Зорой, и положила его на подушку.

– Ты слышала это предсказание, моя роза? – прошептала она, глядя в лицо сына.

Младенец спал, свернувшись клубочком.

– Они думают, что смогут остановить меня. Что женщины, чья жизнь прошла в тени мужчин, решат судьбу той, кто сама стала огнём.

Она прошептала слова, от которых дрогнул воздух:

«Ночь станет моим плащом,

Голос станет острым ножом.

Кто против сердца – того жгут огни,

Кто против сына – исчезнет в тени».

Свеча мигнула. Где-то хлопнула дверь.

А в это время Сулейман и Ибрагим, как обычно, сидели над картами и планами. На столе – сладости, мёд, чай с пряностями. Вокруг – тишина, нарушаемая лишь шуршанием бумаги.

– Твои глаза сегодня не на карте, повелитель, – тихо сказал Ибрагим.

– Я вижу, как меняется мир, друг мой. И я не знаю, меняет ли его война… или женщина.

– Или ты сам, Сулейман, – сказал Ибрагим и налил чай.

Но оба знали, что над дворцом сгущаются тучи. И предсказания только начали сбываться.

Глава 17 – Лепестки и яды

Ночь опустилась на Стамбул мягким покрывалом ароматов – жасмина, розы, апельсинового цвета. В залитом лунным светом саду Хюррем шла босиком по мраморной дорожке, усыпанной лепестками. Воздух был густым от влажной пряности, сверчки пели в кустах, словно тайные музыканты дворца.

Сулейман ждал её в павильоне. Он снял тюрбан, его волосы были распущены, глаза – тёплые и тёмные, как ночная вода. Подушки, фрукты, вино, приглушённый свет фонарей. Всё дышало ожиданием.

– Ты пахнешь ночью, – сказал он, когда она приблизилась.

– А ты – огнём, в который я всегда готова броситься, – прошептала она, опустившись на колени рядом с ним.

Она провела пальцем по его груди, словно писала имя, и он схватил её за запястье, прижал губами к ладони. Их дыхания слились в горячую тишину, и страсть вспыхнула, как пергамент в пламени. Она была дерзкой, как пламя, и нежной, как лепесток. Он был властным, как шторм, и нежным, как молитва. Их тела слились в безмолвном крещении ночи.

Утро разразилось тревогой.

– Госпожа, нет! Не ешьте! – крикнула Айше, вбежав в покои с подносом, от которого разило чем-то странным.

Хюррем отпрянула. Инжир был потемневшим, мёд пах кислотой. Один глоток – и её бы уже не было.

В тот же день повара нашли мёртвым, с синим пятном на шее. Кто-то заставил его отравить пищу.

Сулейман вбежал, едва услышав.

– Кто? – прошипел он, глядя на визирей. – Кто решился на это?

– Кому мешает Хюррем – тому, кто хочет её место, – тихо сказал Ибрагим, сжав губы. Его взгляд скользнул в сторону гарема.

Под подозрение попала Фатьма-султан, одна из сестёр Сулеймана. Поговаривали, что она недавно подкупала одного из поваров, якобы ради особого угощения для Валиде.

– Я? Отравить её? – фыркнула Фатьма. – Если бы я захотела её смерти – вы бы даже не нашли тело.

В гареме закипала война без ножей. Язык был оружием, улыбка – ловушкой.

В это время, в одном из боковых двориков, старший евнух Сюмбюль-ага безуспешно пытался унять младшего – Гюль-агу, который бегал за попугаем Хюррем, уверяя, что птица заговорена.

– Он прокаркал, а потом плюнул на меня! Это знак! – визжал Гюль, размахивая руками.

– Это не знак, а его мнение о твоём уме, – отрезал Сюмбюль, хлопнув веером по голове младшего. – Ты лучше воды святой попей, чем перьям молиться!

– А вдруг попугай – дух покойного повара?! – ещё больше переполошился Гюль.

– Тогда этот дух, судя по акценту, родом из Бухары, – проворчал Сюмбюль. – И хочет обратно в клетку!

Позже, во дворце, прибыл персидский посол, роскошно одетый, с глазами, полными испытующей насмешки. В подарок он принёс кинжал с изумрудами, от которого веяло угрозой.

– Мой повелитель, – сказал он, склонившись. – Я слышал, что ваш дворец охраняет женщина. Настолько сильная, что даже мужчины ей уступают…

Сулейман чуть приподнял бровь.

– Женщина, которую любят, – это целая армия. А Хюррем – не просто любовь. Она – моя воля.

Ибрагим стоял рядом, молчал, но внутри его сердце скрипело от предчувствия – за этим визитом, за отравлением, за улыбками сестёр что-то назревало.

В тот же вечер Хюррем сидела у колыбели Селима, её младшего сына. Свет лампы играл на мягких щёчках младенца, а её пальцы скользили по браслету с зашитым травяным амулетом.

– Принесли? – спросила она у служанки.

– Да, госпожа. С Востока. Настой из сердечной лозы и лунной мяты. Привораживающий. Он… сильный.

Хюррем кивнула.

– Сильный должен быть не он. А я.

А в это время Хатидже, Фатьма, Бейхан и Шах-султан собрались в покоях Валиде. Свет падал из высоких окон, и даже зеркало не осмеливалось отразить всё, что здесь говорилось.

– Она сильнее, чем мы думали, – произнесла Шах.

– Она как корень – укореняется тихо, а потом ломает мрамор, – сказала Валиде, её глаза были полны стальной грации.

– Мы ждём слишком долго, – процедила Хатидже. – Или она уйдёт… или мы.

Глава 18 – Ядовитый взгляд и огонь в сердце

В глухой части гарема, где полумрак прятал секреты ночи, стояла маленькая хижина. Тусклый свет лампы тускло освещал лицо старой женщины с вкрадчивым взглядом. Гадалка. Её обветренная рука медленно двигалась по густой ткани, как будто сама ткань была её зеркалом. И в этом зеркале отражались судьбы.

Хюррем, в поисках новых возможностей для укрепления своей позиции, вступила в эту комнату. Её лицо было скрыто вуалью, а глаза сверлили в темноту с решимостью, которая заставляла бы любой дом замереть. Её шаги звучали тяжело, почти воинственно, как шаги женщины, знающей, что ей нужно, и чего она хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.